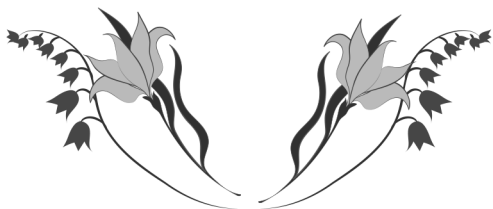

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ШКАТУЛКА

РАССКАЗЫ
О ХРИСТЕ
СЕЛЬМЫ
ЛАГЕРЛЁФ

Москва

УДК 821.113.6-3
ББК 84(4Шве)-44
Л14

Допущено к распространению Издательским советом
Русской Православной Церкви.
Номер Издательского совета — ИС Р26-614-0404.

Лагерлеф, Сельма.

Л14 Рождественская шкатулка : рассказы о Христе /
Сельма Лагерлеф ; [перевод с шведского А. Купри-
на]. — Москва : Эксмо, 2026. — 256 с. — (Христиан-
ские праздники. Коллекция духовной прозы).

ISBN 978-5-04-240099-5

«Рассказы о Христе» — один из самых проникновенных циклов Сельмы Лагерлеф, в котором библейские сюжеты и глубокие размышления о вере соединяются в единое повествование о милосердии, любви и надежде. Автор обращается к образу Христа через истории людей, которым довелось соприкоснуться с чудом: от пастухов, увидевших ангелов в ночь Рождества, и мудрецов, следовавших за Вифлеемской звездой, до простых людей, чьи судьбы изменились благодаря встрече с Божественным.

В книге оживают предания о рождении Иисуса, его детстве, чудесах, распятии и духовном наследии.

«Рассказы о Христе» — книга о вечных ценностях, обращенная к читателям всех возрастов. Это произведение о силе любви, которая преображает человека, и о надежде, способной озарить даже самые трудные пути.

УДК 821.113.6-3
ББК 84(4Шве)-44

© Александр Куприн, перевод
на русский язык, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-240099-5

СОДЕРЖАНИЕ

СВЯТАЯ НОЧЬ

7

ВИДЕНИЕ ИМПЕРАТОРА

15

КОЛОДЕЦ МУДРЕЦОВ

23

ДИТЯ ВИФЛЕЕМСКОЕ

35

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ

66

В НАЗАРЕТЕ

75

В ХРАМЕ

82

ПЛАТ СВЯТОЙ ВЕРОНИКИ

103

КРАСНОШЕЙКА

176

ГОСПОДЬ И АПОСТОЛ ПЁТР

187

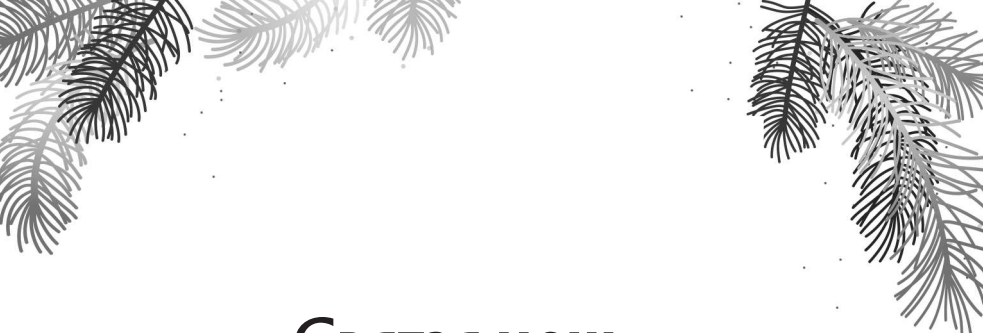
СВЕЧА ОТ ГРОБА ГОСПОДНЯ

202

5

Святая ночь

В возрасте пяти лет меня постигло такое великое горе, равного которому я, пожалуй, не знала больше никогда в жизни.

Это случилось, когда умерла моя бабушка. До той поры она неизменно сидела на угловом диване в своей комнате и рассказывала сказки.

В моих воспоминаниях бабушка только и делает, что сидит и рассказывает их — с утра и до самого вечера, а мы, дети, притихнув рядом, ловим каждое её слово. Это была чудесная жизнь. Казалось, ни у каких других детей в мире не было того бесценного сокровища, что было у нас.

О бабушке я помню не так уж много. В памяти запечатлелись её волосы — прекрасные и белые, как мел; помню, как сильно она сутулилась и как постоянно вязала чулок.

Ещё помню, что, закончив очередную сказку, она неизменно клала руку мне на голову и произносила:

— И всё это так же верно, как то, что я вижу тебя, а ты видишь меня.

Помню и то, что она знала много песен, хоть и пела их нечасто. Одна из них — о рыцаре и морской деве — врезалась в память своим припевом: «Ветер холодный-холодный над морем подул».

Помню короткую молитву и псалом, которым она меня научила.

Из всех её сказок в душе сохранились смутные, ускользающие образы. Лишь одну из них я помню настолько отчётливо, что могла бы пересказать слово в слово. Это небольшое предание о Рождестве Христове.

Вот, пожалуй, и всё, что осталось в моей памяти о бабушке, — не считая того, что я ощущаю острее всего: сильную утрату, когда её не стало.

Я помню то утро, когда угловой диван внезапно опустел, и разум не мог постичь, как вообще может продолжаться этот день. Этого мне не забыть никогда.

Помню, как нас, детей, подвели проститься — поцеловать руку покойной. Мы робели и боялись, но нам сказали, что это последняя возможность поблагодарить бабушку за всю ту радость, которую она нам дарила.

Я помню, как сказки и песни навсегда уехали со двора, поместившись в длинном чёрном гробу.

Словно из жизни исчезло что-то жизненно важное. Будто дверь в прекрасный, зачарованный мир, куда мы прежде входили свободно, внезапно захлопнулась. И не осталось на земле никого, кто владел бы ключом от неё.

Шло время, и мы, дети, постепенно научились играть в куклы, забавляться с игрушками и жить так, как живут все остальные. Со стороны могло показаться, будто мы больше не тоскуем и не вспоминаем о ней.

Но и по сей день, спустя сорок лет, когда я собираю воедино легенды о Спасителе, услышанные мною на Востоке, во мне оживает тот маленький рассказ о рождении Иисуса, который когда-то поведала бабушка. И мне хочется рассказать его вновь, включив в свой сборник.

Это случилось в рождественский день. Все домашние уехали в церковь, и в доме остались только мы с бабушкой. Думаю, во всём доме не было больше ни души. Нас не взяли на заутреню: одна была слишком мала, а другая — слишком стара. И обе мы печалились, что не сможем увидеть рождественские свечи.

Мы сидели в глубокой тишине, и вдруг бабушка начала рассказ:

— Жил-был человек, — сказала она, — который вышел в тёмную ночь, чтобы попросить огня. Он ходил от хижины к хижине, стучал в двери и взывал: «Добрые люди, помогите! У моей жены родился младенец, мне нужно развести огонь, чтобы согреть их».

Но была глухая ночь, люди спали, и никто ему не отвечал. Он шёл долго, пока не увидел вдали мерцающий отблеск.

Направившись туда, человек обнаружил костёр, горящий под открытым небом. Вокруг огня спало множество белых овец, а старый пастух сидел и чутко охранял своё стадо.

Когда путник приблизился, он увидел у ног пастуха трёх огромных псов. Они проснулись и оскалили пасти, готовые зайтись в лае, но в тишине не раздалось ни звука. Человек видел, как на их спинах дыбом встала шерсть, как в свете пламени сверкнули острые клыки, как псы бросились на него. Он почувствовал, что один вцепился ему в ногу, другой — в руку, а третий — в горло. Но зубы их не слушались, челюсти не сжимались, и человек не получил ни единой царапины.

Он хотел подойти к огню, но овцы лежали так тесно, спина к спине, что пробраться

сквозь них было невозможно. Тогда человек ступил прямо на их спины и пошёл по ним. И ни одно животное не проснулось и даже не шевельнулось.

Тут я не выдержала и перебила бабушку:

— Почему они не проснулись, бабушка?

— Узнаешь через минуту, — ответила она и продолжила:

— Когда человек подошёл к костру, пастух поднял голову. То был суровый и жестокий старик, ненавидевший всех людей. Увидев чужака, он схватил свой длинный заострённый посох и с силой метнул его в незнакомца. Посох со свистом полетел прямо в человека, но, не долетев, внезапно свернул в сторону и упал далеко в поле.

Я снова вмешалась:

— Бабушка, почему посох его не ударил?

Но бабушка, не отвечая, продолжала:

— Человек подошёл к пастуху и смиренно попросил: «Добрый человек, поделись со мной огнём. Моя жена только что родила, и мне нужно согреть её и дитя».

Пастух хотел было прогнать его, но вспомнил, что псы не смогли укусить путника, овцы не проснулись под его ногами, а верный посох не поразил его. Старику стало не по себе, и он не посмел отказать.

— Бери сколько нужно, — буркнул он.

Но пламя почти угасло. Не осталось ни поленьев, ни веток, — только груды раскалённых углей. А у незнакомца не было ни лопаты, ни сосуда, чтобы унести их. Видя это, пастух злорадно повторил: «Бери, бери!», радуясь, что человек всё равно уйдёт ни с чем.

Но путник наклонился, голыми руками достал угли из золы и сложил их в полы своего плаща. И чудо — жар не обжёг ему ладони, а ткань не вспыхнула. Он нёс раскалённые угли так легко, словно это были лесные орехи или яблоки.

Я снова спросила:

— Бабушка, почему огонь не обжёг его?

— Сейчас узнаешь, — пообещала она. — Когда пастух, человек злой и чёрствый, увидел это, он пришёл в замешательство: что это за ночь, в которую псы не кусают, овцы не пугаются, посох не ранит, а огонь не жжёт? Он окликнул незнакомца: «Что это за дивная ночь? Почему всё являет тебе милость?»

И человек ответил: «Я не смогу объяснить тебе, если ты сам этого не увидишь». С этими словами он поспешил к своей жене и ребёнку.

Но пастух не мог успокоиться. Он поднялся и последовал за путником.

Вскоре он увидел, что у того нет даже жалкой хижины: мать и младенец укрывались в горной пещере среди холодных, голых камней.

Глядя на них, пастух подумал, что невинное дитя может замёрзнуть в этой теснине. И хотя сердце его было каменным, оно вдруг дрогнуло и смягчилось. Он снял с плеча сумку, достал мягкую белую овечью шкуру и отдал её незнакомцу, чтобы тот укутал младенца.

И в тот самый миг, когда он проявил милосердие, пелена спала с его глаз. Он увидел то, чего прежде не мог видеть, и услышал то, что было скрыто от его слуха.

Он увидел, что его окружили маленькие ангелы с серебряными крыльями. В руках у них были лиры, и все они славили рождение Спасителя, который пришёл избавить мир от греха.

Тогда пастух понял, почему в эту ночь всё живое ликует и не желает причинять зла.

Ангелы были повсюду: в самой пещере, на склонах гор, в высоком небе. Они шествовали по дорогам торжественными толпами, останавливаясь, чтобы взглянуть на младенца.

Повсюду царили радость, ликование и дивное пение, — и всё это пастух теперь ясно видел в ночной тьме, где раньше не различал ничего. Сердце его переполнилось восторгом, он пал на колени и возблагодарил Бога.

Когда бабушка закончила рассказ, она тихо вздохнула:

The page is decorated with stylized, light gray pine branches in the corners. These branches are detailed with individual needles and are positioned in the top-left, top-right, bottom-left, and bottom-right corners, framing the central text.

СЕЛЬМА ЛАГЕРЛЁФ

— То, что увидел тогда пастух, можем увидеть и мы. Ведь ангелы парят в небе каждую рождественскую ночь, нужно только уметь их различить.

Она снова положила руку мне на голову и добавила:

— Запомни это. Всё это так же верно, как то, что я вижу тебя, а ты видишь меня. Секрет не в свечах, не в лампах, не в луне и не в солнце. Секрет лишь в том, чтобы иметь глаза, способные узреть славу Божию.

Видение императора

Это было в те времена, когда Август правил в Риме, а Ирод — в Иерусалиме.

И случилось однажды, что на землю опустилась великая и святая ночь. Это была самая тёмная ночь из всех, какие когда-либо видел свет; можно было подумать, будто вся земля очутилась под сводами подземелья. Невозможно было отличить воду от суши, и даже на самой знакомой дороге нельзя было найти верного пути. И не могло быть иначе, ибо с неба не падал ни единый луч света. Все звёзды остались в своих обителях, а прекрасная луна отвернула свой лик.

Глубока была тьма, но ещё глубже — тишина. Реки остановили свой бег, ветер затих, и даже листья осины перестали дрожать. Подойди кто к морю — не услышал бы рокота волн; ступи в пустыню — песок не заскрипел бы под